

Авт
К17

Министерство высшего и среднего специального образования БССР

БЕЛОРУССКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени В. И. ЛЕНИНА

На правах рукописи

В. Т. Калмыков

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДА ПО БОРЬБЕ С ОТДЕЛЬНЫМИ ВИДАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

(по материалам судебной практики Белорусской ССР
по делам о хулиганстве и смежных преступлениях)

(Специальность № 12.715 — уголовное право и уголовный процесс)

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Минск, 1970

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ССР

Белорусский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени В.И.Ленина

На правах рукописи

В.Т.КАЛЫКОВ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДА ПО БОРЬБЕ С ОТДЕЛЬНЫМИ
ВИДАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (по материалам судебной
практики Белорусской ССР по делам о хулиганстве
и смелых преступлениях)

(Специальность 12.715 - уголовное
право и уголовный процесс)

*Василько Е.И. одобряю
диссертацию с небольшими
уточнениями. одобряю
автора
26.9.70. П*

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Минск, 1970

Работа выполнена на кафедре уголовного права юридического факультета Белорусского государственного ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени В.И.Ленина.

Научный руководитель — доктор юридических наук
И.С.ТИШКЕВИЧ.

Официальные оппоненты:

доктор юридических наук, профессор Н.А.СТРУЧКОВ
кандидат юридических наук, доцент Е.А.МАТВИЕНКО

Диссертация направлена на отзыв в Верховный Суд СССР.

Автореферат разослан " 24 " 18 1970 года

Защита состоится " " 1970 года

на заседании Совета по присуждению ученых степеней по юридическим и экономическим наукам Белорусского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени В.И.Ленина.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки Белорусского государственного университета (г.Минск, Университетский городок, главный корпус).

Отзывы и замечания по автореферату просим высылать по адресу: г. Минск, Университетский городок, главный корпус, ректорат.

Ученый секретарь Совета

Коммунистическая партия Советского Союза поставила перед советским народом сложнейшую социальную задачу — искоренить нарушения правопорядка, ликвидировать преступность и устранить причины, ее порождающие. "В обществе, строящем коммунизм, не должно быть места правонарушениям и преступности", — говорится в Программе КПСС.¹ Выполнение этой исторической задачи обеспечивается прежде всего различными средствами убеждения, воспитания, что однако не исключает и принуждения, сочетаемого с убеждением. В.И. Ленин предупреждал: "не впавая в утопизм, нельзя думать, что свергнув капитализм, люди сразу научатся работать на общество без всяких норм права, да и экономических предпосылок такой перемены отмена капитализма сразу не дает".²

В соответствии с ленинскими указаниями борьба с преступностью в нашей стране осуществляется не только государственными органами, но и общественностью. Среди государственных органов важное место занимает суд. Советский суд является как органом принуждения, так и органом воспитания. "Роль суда, — указывал В.И. Ленин, — и устрашение и воспитание".³

Советский суд ведет борьбу с преступностью путем рассмотрения уголовных дел, материалов об административных правонарушениях и проведения профилактических мероприятий, направленных на предупреждение преступлений и иных правонарушений. Следовательно, борьба с конкретными преступлениями является одной из важнейших

¹ Материалы XIII съезда КПСС. Госполитиздат, М., 1961, стр. 400.

² В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 95.

³ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 549.

задач советского суда. Применяя меры наказания к нарушителям советских законов, суд зорко охраняет интересы социалистического государства, права и интересы трудящихся.

На рассмотрение судов больше всего поступает дел о хулиганстве.¹ Согласно статистическим данным Верховного Суда БССР, на протяжении последних четырех лет примерно по каждому четвертому делу, поступившему в суды республики, привлеченные к уголовной ответственности лица обвинялись в хулиганстве. К общему числу осужденных судами Белорусской ССР процент лиц, осужденных за это преступление, составил: в 1966 г. - 24,3, в 1967 г. - 27,5, в 1968 г. - 28,4 и в 1969 г. - 25,5.² Практически получается так, что среди конкретных преступлений особое место в деятельности судов занимает хулиганство. Правильное рассмотрение этих дел способствует укреплению социалистического правопорядка и социалистической законности.

Хулиганство - преступление с широким составом. При совершении хулиганских действий нередко вред причиняется не только общественному порядку, но и другим охраняемым правом общественным отношениям. Более часто хулиганство выражается в посягательстве на честь, достоинство и здоровье личности, государственную, общественную или личную собственность, на деятельность органов власти.

¹ М. П. М а л я р о в указывает, что хулиганство является одним из наиболее распространенных преступлений против общественного порядка, составляя свыше 30% в общем числе преступных проявлений, регистрируемых в нашей стране ("Советское государство и право", 1967, № 9, стр. 56).

² Статистические данные Верховного Суда БССР за 1966 - 1969 гг.

На почве хулиганства нередко совершаются другие преступления.¹ Выборочное изучение практики судов Белорусской ССР показывает, что из 128 осужденных за умышленное убийство 43 человека (34%) совершили это тяжкое преступление из хулиганских побуждений; из 175 осужденных за умышленное причинение тяжких телесных повреждений 52 человека (29,7%) руководствовались при совершении данного преступного деяния хулиганскими побуждениями.

Таким образом, дела о преступлениях, совершенных хулиганствующими элементами, составляют весьма значительную часть рассматриваемых судами уголовных дел. По указанным соображениям борьба с хулиганством имеет исключительно большое значение. От ее успешного осуществления в немалой степени зависит решение исторической задачи резкого сокращения, а затем и искоренения преступности в нашей стране.

В борьбе с посягательствами на социалистический правопорядок суды сталкиваются в основном с теми или иными видами антиобщественного поведения. Для того чтобы эффективно осуществлять борьбу с преступностью, суды должны уметь устанавливать фактические обстоятельства совершенного преступления, правильно применять уголовный закон. Однако правильное применение закона требует знания юридических признаков состава преступления, умения отграничить один состав от другого.

С этой целью в диссертации на основе анализа наиболее распространенного преступления — хулиганства показывается, как необходимо раскрывать содержание конкретного состава преступления, от-

¹ По данным А.А.Герцензона, хулиганство является мотивом каждого пятого умышленного убийства и почти каждого шестого умышленного тяжкого телесного повреждения (См. А.А.Герцензон. Введение в советскую криминологию. М., 1965, стр. 174, 179).

граничивать преступление от проступка, влекущего административную ответственность или применение мер общественного воздействия, и устанавливать признаки, по которым должны разграничиваться смежные составы преступлений.

Исследованием проблем борьбы с хулиганством занимались многие криминалисты. Даже такой крупный ученый, как член - корреспондент академии Наук СССР, директор института государства и права Академии Наук СССР, доктор юридических наук, профессор В.М. Чхиквадзе и тот свою диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук посвятил проблеме хулиганства.¹ Этой проблеме был посвящен и ряд других диссертационных исследований.²

¹ См. В. М. Ч х и к в а д з е. Хулиганство. М., 1939.

² Н. С. Л е й к и н а. Уголовноправовая борьба с хулиганством. Л., 1947 (Здесь и дальше в данной сноске указаны авторефераты диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук); Е. К. К о р ж у е в. Ответственность за хулиганство по советскому уголовному праву. Л., 1955; Е. А. А н д р у с е н к о. Понятие хулиганства и меры борьбы с ним. Душанбе, 1963; Т. М. К а ф а р о в. Борьба с хулиганством по уголовному законодательству Азербайджанской ССР. Баку, 1963; М. А. Н и г а й. Борьба с хулиганством по советскому законодательству (по материалам Казахской ССР). Алма-Ата, 1963; Ю. М. Л и в ш и ц. Общественная опасность хулиганства (социологическое и уголовноправовое исследование по материалам Эстонской ССР). Тарту, 1964; И. Н. Д а н ь ш и н. Хулиганство и меры по ликвидации его в СССР. Харьков, 1965; Н. Т. К у ц. Уголовноправовая борьба с хулиганством (по материалам Украинской ССР). Киев, 1965; Ю. А. К р а с и к о в. Хулиганство, его сущность, причины и профилактика. Саратов, 1966; А. С. М о л о д ц е в. Причины хулиганства и его предупреждение (уголовноправовое и криминологическое исследование по материалам Казахской ССР). Л., 1968; А. П. Т у з о в. Борьба с хулиганством несовершеннолетних (уголовноправовое и криминологическое исследование по материалам Украинской ССР). Киев, 1969.

Но тем не менее многие вопросы этой важной проблемы в криминологическом, уголовноправовом и процессуальном планах не решены. Особенно недостаточно разработаны вопросы, связанные с судебной деятельностью. Специальные комплексные исследования деятельности суда по этим вопросам не проводились. В связи с этим недостаточно изучалась деятельность суда по укреплению социалистического правопорядка, предупреждению хулиганских проявлений.

Между тем рассмотрение дел этих категорий нередко сопряжено с определенными трудностями, что влечет судебные ошибки. Последние в известной степени являются следствием того, что в уголовно-правовой теории до сих пор нет единства взглядов о содержании некоторых важных признаков хулиганства и смежных с ним преступлений.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. "Об усилении ответственности за хулиганство"¹ существенно изменено ранее действующее законодательство о хулиганстве. В практике применения этого Указа возник ряд неясных вопросов, на многие из которых в теории уголовного права и уголовного процесса не имеется ответа.

После принятия этого Указа исследованию проблем борьбы с нарушениями общественного порядка были посвящены названные выше кандидатские диссертации А.С.И о л о д ц о в а и А.П.Т у з о в а. Но в первой из них основное внимание уделено лишь изучению личности хулигана, причин хулиганства и мер по его предотвращению, а во второй — исследованию особенностей борьбы с хулиганством среди несовершеннолетних.

Все это и предопределило выбор темы диссертации и круг рас-

¹ "Ведомости Верховного Совета СССР", 1966, № 30, стр. 595.

смаатриваемых в ней вопросов. При определении темы и написании диссертации учтен и использован 22-летний опыт работы автора в судебных органах республики (с 1952 — в должности члена Верховного Суда Белорусской ССР).

Диссертационное исследование основано на трудах К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина, Программе КПСС, решениях Партии и Правительства, произведениях выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства. В процессе работы над диссертацией автором изучены и использованы: нормативные акты Союза ССР, союзных республик и некоторых зарубежных социалистических и буржуазных стран; руководящие постановления Пленума Верховного Суда СССР и Пленумов Верховных судов союзных республик; материалы судебной практики Верховных судов СССР, РСФСР, УССР, а также судов Белорусской ССР; статистические данные о преступности и судимости по Белорусской ССР за 1966—1969 г.; советская и зарубежная литература по исследуемым вопросам. Кроме того, автором проведено по специальной программе выборочное изучение 810 уголовных дел о хулиганстве в отношении 976 осужденных и 1120 материалов о мелком хулиганстве, рассмотренных судами Белорусской ССР в 1966—1969 гг., а также 187 дел, рассмотренных судами городов Минска, Могилева и Гродно в 1968—1969 гг. в отношении 200 рецидивистов.

Помимо этого в диссертации использованы материалы социологических исследований, проведенных сектором по изучению причин и разработке мер предупреждения антиобщественных действий и правонарушений Белорусского республиканского общественного института социологических исследований при ЦК КПБ с участием автора, являющегося членом совета этого сектора, а также Минским факультетом Высшей школы МВД СССР и Министерством внутренних дел БССР, Комитетом по профессионально-техническому образованию при Совете Министров БССР

и Прокуратурой БССР (при проведении этих социологических исследований опрошено свыше 4200 человек).

При исследовании темы диссертации главное внимание уделено анализу неясных и спорных вопросов, представляющих наибольший теоретический и практический интерес.

Диссертация состоит из введения и четырех глав.

В первой главе ("Установление судом признаков состава преступления") раскрывается значение юридических признаков состава преступления для установления судом круга уголовно-наказуемых деяний, ограничения уголовно-диспозитивных деяний от административных проступков, разграничения смежных составов преступлений и индивидуализации ответственности. Отмечается, что состав преступления является единственным показателем наличия преступления. Правильное понимание признаков состава преступления — необходимое условие надлежащего применения советских законов, укрепления социалистической законности и социалистического правопорядка.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что суды испытывают значительные трудности при определении субъективных признаков конкретного преступного деяния. Это объясняется прежде всего тем, что субъективная сторона далеко не всегда четко обрисована в уголовном законе, и ее признаки часто приходится устанавливать путем толкования диспозиций соответствующих статей закона. Характер вины не всегда вытекает из показаний подсудимого, потерпевшего, свидетелей, и о ней нередко приходится судить по действиям подсудимого.

Кроме того, в теории уголовного права в отношении субъективных признаков ряда преступлений нет единства мнений. В составе хулиганства, например, наиболее спорным является вопрос именно о

субъективной стороне. Одни ученые считают, что хулиганство может быть совершено только с прямым умыслом,¹ другие – не исключают возможности совершения этого преступления и с косвенным умыслом.²

Разногласия во взглядах о форме вины при хулиганстве вызваны разным пониманием характера последствий формальных преступлений.

Те авторы, которые включают в состав хулиганства преступное последствие – грубое нарушение общественного порядка и явное неуважение к обществу, считают, что оно может быть совершено и с косвенным умыслом. Это суждение основано на том, что хотя само действие, образующее хулиганство, совершается только с прямым умыслом, но по отношению к указанным последствиям может быть и косвенный умысел, поскольку желания нарушить общественный порядок может и не быть.

Те же авторы, которые считают, что при хулиганстве грубое нарушение общественного порядка, соединенное с явным неуважением к обществу, относится только к характеристике действия, естественно, приходят к выводу, что субъективная сторона этого преступления может выражаться только в прямом умысле, поскольку косвенный умысел к действию невозможен.

Диссертант считает, что более правильной является первая точка зрения. Хулиганство относится к так называемым формальным преступлениям, в которых, как обоснованно указывает Б.С.Никифоров,³

¹ См., например, Уголовное право. Часть Особенная, под редакцией М.И.Ковалева, М.А.Ефимова и Е.А.Фролова, М., 1969, стр. 387.

² Эта точка зрения, в частности, высказана в учебнике "Уголовное право. Часть Особенная" под редакцией Н.И.Загородникова и В.Ф.Кириченко, М., 1968, стр. 470.

³ Б.С.Никифоров. Об умысле по действующему уголовному законодательству. "Советское государство и право", 1965, № 6, стр. 27.

общественно опасный результат органически включается в действие. Совершение же действия в этих преступлениях и есть причинение результата. Такое решение вопроса вытекает и из того, что закон не ограничивает вид умысла при хулиганстве, и вполне согласуется с законодательным определением умысла (ст. 8 УК БССР).

В судебной практике наибольшие затруднения вытекают при разграничении составов преступлений, отграничении некоторых преступлений от административных правонарушений. Поэтому в т о р а я глава ("Квалификация судом преступного деяния") и посвящена исследованию этих проблем. При этом рассмотрены наиболее часто встречающиеся в практике смежные с хулиганством составы преступлений и административных правонарушений, проанализированы признаки, по которым суды должны проводить разграничение между ними. В этой главе уделено большое внимание и вопросам квалификации преступлений. Правильное разрешение этих вопросов — необходимый шаг в направлении вынесения судом законного и обоснованного приговора, в назначении виновному справедливого наказания.

Раскрывая признаки, по которым один вид хулиганства должен отграничиваться от другого, диссертант указывает, что административно-наказуемое мелкое хулиганство является разновидностью единого понятия хулиганства, отличаясь от уголовно-наказуемого деяния лишь меньшей степенью общественной опасности. При совершении мелкого хулиганства нарушается общественный порядок, однако нарушение не является грубым (в противном случае было бы уголовно-наказуемое хулиганство). Мелкое хулиганство причиняет небольшой ущерб общественному порядку, спокойствию, чести и достоинству граждан. Совершая мелкое хулиганство, виновный, как и при уголовно-наказуемом хулиганстве, проявляет неуважение к обществу.

В диссертации анализируются условия, при которых наказуемое в административном порядке мелкое хулиганство перерастает в преступление. Хотя в ч. I ст. 201 УК БССР не имеется указаний о том, что мелкое хулиганство, совершенное лицом, к которому в течение года была применена мера административного воздействия за такое правонарушение, во всех случаях влечет уголовную ответственность, однако анализ закона приводит к такому выводу. В связи с этим автор не соглашается с теми криминалистами, которые предлагают при решении вопроса о привлечении виновного к уголовной или административной ответственности исходить из учета не только факта повторности проступка, но и личности нарушителя.^I

При рассмотрении вопроса о простом хулиганстве автор указывает, что закон не устанавливает такого квалифицирующего признака хулиганства как применение насилия над личностью. Поэтому хулиганство, соединенное с нанесением побоев или причинением телесных повреждений, может быть квалифицировано как злостное лишь при наличии в действиях виновного одного из признаков, указанных в ч. 2 ст. 201 УК БССР (например, особой дерзости). При отсутствии этих признаков и отягчающих обстоятельств, указанных в ч. 3 ст. 201 УК БССР, побои или иные насильственные действия, повлекшие причинение потерпевшему легких телесных повреждений без расстройства здоровья должны относиться к простому хулиганству. Этот вывод подтверждается данными судебной практики. По изученным автором делам хулиганские действия 73,4% лиц, осужденных по ч. I ст. 201 УК БССР, выразились именно в причинении такого рода телесных повреждений.

^I См., например, И.С.С а м о щ е н к о. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963, стр. 233-234.

Анализируя признаки злостного хулиганства, диссертант обращает внимание на то, что наибольшие затруднения в практике возникают при раскрытии таких понятий, как исключительный цинизм и особая дерзость. Если все дела, по которым в 1966-1969 г. действия осужденных переквалифицированы Верховным Судом БССР с ч. 2 на ч. I ст. 201 УК БССР или приговоры отменены в связи с ошибочной квалификацией действий осужденных вместо ч. 2 по ч. I этой же статьи, принять за 100%, то в отношении 73% осужденных по этим делам действия были ошибочно квалифицированы из-за неправильного понимания признака особой дерзости.

Исключительный цинизм и особая дерзость - понятия оценочные. Они устанавливаются в каждом конкретном случае, исходя из обстоятельств дела.

Под исключительным цинизмом, по мнению автора, следует понимать в высшей степени наглое, бесстыдное поведение, грубо оскорбляющее принципы коммунистической нравственности и унижающее человеческое достоинство.

Что касается особой дерзости как признака злостного хулиганства, то следует иметь в виду, что любое публично совершенное хулиганство является дерзким преступлением. Однако отягчающим обстоятельством ч. 2 ст. 201 УК БССР признает не просто дерзость, а особую дерзость, которая понимается как самая крайняя наглость, грубость. Особая дерзость проявляется в высшей степени грубости, наглости, резко пренебрежительном отношении к правилам социалистического общежития.

В диссертации анализируются и другие виды злостного хулиганства.

По ранее действовавшему законодательству Украинской, Белорусской, Грузинской, Литовской, Туркменской и Эстонской ССР соверше-

ние хулиганства особо опасным рецидивистом являлось одним из видов злостного хулиганства. Диссертант полагает, что такое решение этого вопроса было правильным. К сожалению, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. "Об усилении ответственности за хулиганство" не предусмотрел указанный вид злостного хулиганства.

По изученным автором делам среди осужденных за хулиганство было 10,3% лиц, ранее судимых за злостное хулиганство. Как известно, действующее законодательство учитывает судимость за злостное и особо злостное хулиганство при признании лица особо опасным рецидивистом. Поэтому было бы логичным и целесообразным указать в перечне видов злостного хулиганства и совершение рассматриваемого преступления особо опасным рецидивистом. Такое дополнение закона способствовало бы усилению борьбы с наиболее опасными нарушителями социалистического правопорядка, какими являются особо опасные рецидивисты.

При анализе особо злостного хулиганства автор отмечает, что в теории и на практике не всегда правильно раскрывается понятие этого состава преступления. В частности, нередко к холодному оружию ошибочно относятся такие предметы хозяйственно-бытового назначения, как топор, вилы, молоток. Поскольку эти предметы не предназначены для поражения живой цели, они не могут рассматриваться как холодное оружие.

Закон к особо злостному хулиганству относит и совершение этого преступления с использованием ножа. Разъясняя содержание закона, Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении № 7 от 26 августа 1966 г. указал, что хулиганство, совершенное с применением или попыткой применения любого ножа, должно рассматриваться

как особо злостное.¹ Однако некоторые криминалисты не согласны с этим разъяснением. Они считают, что логическое толкование закона свидетельствует о том, что законодатель, называя наряду с кастетами и иным холодным оружием и ножи, имел в виду не любые ножи, а лишь те, которые являются холодным оружием. Все иные ножи, по их мнению, следует отнести к специально приспособленным предметам.

Это заявление вызвано не совсем удачным изложением закона. В связи с этим, по мнению автора, желательно диспозиции ч. 3 ст. 201 УК БССР придать следующую редакцию: "Действия, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, если они совершены с применением или попыткой применения огнестрельного оружия, кастетов или иного холодного оружия либо ножей, а равно других предметов, специально приспособленных для нанесения телесных повреждений". Хулиган, вооруженный любым ножом, представляет серьезную опасность для социалистического общества. Поэтому вполне оправдана повышенная ответственность за хулиганство, совершенное с применением или попыткой применения ножа.

В диссертации указывается, что к специально приспособленным относятся предметы, которые подвергались предварительной обработке для того, чтобы облегчить их применение или усилить эффективность действий хулигана, а также предметы, которые, хотя и не подвергались какой-либо предварительной обработке, но были заранее подготовлены виновным и находились при нем с целью использования их при совершении хулиганских действий. При этом критикуется как не основанное на законе мнение тех юристов, которые считают, что к специально приспособленным могут относиться лишь такие предметы, которыми "можно причинить смерть или тяжкое телесное повреждение".²

¹ "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1965, № 5, стр. 17.

² См., например, П. Ф. Г р и ш а н и н. Юридическая квалификация хулиганских действий. ВШ МВД СССР, М., 1969, стр. 23.

Уголовная ответственность за особо злостное хулиганство наступает при применении или попытке применения оружия, ножей или специально приспособленных предметов для нанесения телесных повреждений.

Под применением названных предметов прежде всего следует понимать непосредственное использование их для нанесения телесных повреждений во время совершения хулиганских действий (например, нанесение ножевого удара). Стрельба из огнестрельного оружия, при которой заведомо для виновного создается реальная угроза для жизни или здоровья граждан, также должна рассматриваться как применение этого оружия.

Под попыткой применения оружия, ножей и специально приспособленных предметов, следует понимать действия, непосредственно направленные на использование их для причинения телесных повреждений, но не доведенные до конца по причинам, не зависящим от воли виновного (например, потерпевший уклонился от удара, обезоружил хулигана).

В диссертации уделено значительное внимание отграничению хулиганства от других преступлений.

По мнению автора, отграничение хулиганства от преступлений против личности должно проводиться в зависимости от содержания и направленности умысла, мотивов и обстоятельств совершенных действий. Если виновный из хулиганских побуждений, проявляя явное неуважение к обществу, наносит оскорбления или совершает насильственные действия над потерпевшим, то они должны расцениваться как хулиганство. Те же действия, совершенные на почве личных взаимоотношений, могут быть признаны хулиганством лишь в том случае, если они заведомо для виновного сопряжены с грубым нарушением общественного порядка и свидетельствуют о явном неуважении к обществу. Если

же на почве личных взаимоотношений нанесены оскорбления, побои, причинены легкие или менее тяжкие телесные повреждения, но при этом не было умышленного грубого нарушения общественного порядка и явного неуважения к обществу, то такие действия должны рассматриваться как преступление против личности.

Останавливаясь на вопросах квалификации хулиганских действий, соединенных с посягательством на честь, достоинство и здоровье личности, диссертант указывает, что если виновный совершает несколько разнородных действий (реальная совокупность) и при этом одними действиями грубо нарушает общественный порядок, а другими — учиняет насилие над личностью, то каждое из совершенных им преступлений квалифицируется самостоятельно. Если же в одном деянии содержатся признаки хулиганства и таких преступлений против личности, как оскорбление, нанесение побоев либо причинение легких или менее тяжелых телесных повреждений, то такие действия следует рассматривать как единое преступление — хулиганство, ибо в данном случае оскорбления, побои, легкие или менее тяжкие телесные повреждения являются формой проявления явного неуважения к обществу. Подобного рода хулиганские действия полностью охватываются составом хулиганства и дополнительной квалификации по статьям УК о преступлениях против личности не требуют.

Причинение из хулиганских побуждений тяжелых телесных повреждений следует квалифицировать по ст. 106 УК БССР (ст. 108 УК РСФСР), ибо в подобных случаях хулиганские побуждения выступают в качестве мотива причинения тяжелого телесного повреждения, являются одним из элементов субъективной стороны этого более опасного, чем хулиганство, преступления.

Часть 2 ст. 93 УК Казахской ССР, ч. 2 ст. 105 УК Латвийской ССР и ч. 2 ст. 207 УК Эстонской ССР предусматривают умышленное

причинение тяжких телесных повреждений из хулиганских побуждений в качестве квалифицированного вида умышленного тяжкого телесного повреждения.¹ Такое решение вопроса представляется правильным, так как оно способствует усилению борьбы с указанными опасными преступлениями и устранению ошибок в практике применения закона. Поэтому следовало бы дополнить ч. 2 ст. 106 УК БССР указанием на причинение тяжких телесных повреждений из хулиганских побуждений. Это точно отразило бы характер и общественную опасность такого преступления.

В диссертации рассматриваются и вопросы отграничения хулиганства от покушения на убийство из хулиганских побуждений, истязаний, покушения на изнасилование.

В основе отграничения хулиганства от кражи (ст. 87, 141 УК БССР) грабежа (ст. 88, 142 УК БССР) и разбоя (ст. 89, 143 УК БССР) лежат признаки субъективной стороны. При совершении кражи, грабежа и разбоя виновный действует с прямым умыслом, направленным на завладение социалистическим или личным имуществом. Для этих преступлений характерно наличие корыстной цели. При этом насилие при грабеже и разбое является средством завладения имуществом или удержания похищенного.

При хулиганстве же, сопряженном с завладением социалистическим или личным имуществом, отсутствует цель обогащения путем изъятия имущества. Виновный действует из хулиганских побуждений. Изъятие же имущества (в том числе и с применением насилия) является лишь проявлением грубого нарушения общественного порядка и явного неуважения к обществу.

¹ По УК Эстонской ССР тяжкие телесные повреждения именуется особо тяжкими.

Умысел на совершение кражи, грабежа или разбоя иногда возникает у виновного не только до совершения хулиганских действий, но и в процессе хулиганства либо по его окончании. В связи с этим в судебной практике возник вопрос, следует ли рассматривать ранее примененное при хулиганстве насилие также и как средство насильственного завладения имуществом потерпевшего, поскольку насилие, примененное к нему в процессе хулиганства, в значительной мере облегчает завладение имуществом, ослабляет решимость потерпевшего к сопротивлению. Автор считает, что на этот вопрос следует ответить отрицательно. Как известно, насилие при грабеже и разбое является средством завладения имуществом. Поэтому оно должно представлять собой способ реализации умысла на завладение имуществом потерпевшего. В рассматриваемых же случаях насилие, предшествовавшее возникновению этого умысла, являлось средством совершения хулиганства.

Ограничение хулиганства от умышленного уничтожения или повреждения государственного, общественного или личного имущества следует проводить с учетом как субъективных, так и объективных признаков содеянного.

Если уничтожение или повреждение государственного, общественного или личного имущества без отягчающих обстоятельств, указанных в ч. 2 ст. 96 и ч. 2 ст. 146 УК БССР, совершено из хулиганских побуждений, то такие действия следует квалифицировать как хулиганство. В данном случае уничтожение или повреждение имущества выступает как одна из форм проявления хулиганских действий и носит характер грубого нарушения общественного порядка, сопряженного с явным неуважением к обществу. Иначе решается вопрос в случаях, когда умышленное уничтожение или повреждение указанного имущества из хулиганских побуждений совершено путем поджога или иным общепасным способом, либо когда в результате этих действий

наступили тяжкие последствия, указанные в ч. 2 ст. 96 или ч. 2 ст. 146 УК БССР. В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 22 декабря 1964 г. "О судебной практике по делам о хулиганстве", в этих случаях действия виновного подлежат квалификации лишь по ч. 2 ст. 96 или по ч. 2 ст. 146 УК БССР как унижение или повреждение государственного, общественного или личного имущества, совершенное при отягчающих обстоятельствах.

В судебной практике иногда возникает необходимость ограничения хулиганства от некоторых государственных преступлений.

Как известно, антисоветская агитация и пропаганда характеризуется наличием цели подрыва или ослабления Советской власти. Неправильные высказывания, хотя и искажающие советскую действительность, но допущенные без такой цели, не образуют состава антисоветской агитации и пропаганды. Подобного рода высказывания при определенных условиях могут быть квалифицированы как хулиганство, особенно если они сопровождались сквернословием.

Иногда из хулиганских побуждений уничтожаются или повреждаются портреты или бюсты государственных или общественных деятелей, героев Отечественной войны и труда, выставленные в общественных местах для всеобщего обозрения. Поскольку в результате таких действий, совершенных без цели подрыва или ослабления Советской власти, проявляется явное неуважение к обществу, сопряженное с грубым нарушением правил социалистического общежития, преступление должно квалифицироваться как хулиганство.

Автор останавливается также на ограничении хулиганства от бандитизма (ст. 74 УК БССР) и действий, дезорганизующих работу исправительно-трудовых учреждений (ст. 74^I УК БССР).

Хулиганствующим элементам иногда удается спровоцировать массовые беспорядки. В связи с этим в практике возникает необходи-

мость отграничения массовых беспорядков (ст. 76 УК БССР) от хулиганства.

Характерной особенностью массовых беспорядков является то, что они совершаются лицами, входящими в толпу. При этом участники массовых беспорядков используют возбуждение толпы. Однако состав массовых беспорядков образуют не всякие противоправные общественно опасные действия, а только те, которые перечислены в ст. 76 УК, а именно: погромы, разрушения, поджоги и другие подобные действия. Хулиганство не может выражаться в совершении любых действий, грубо нарушающих общественный порядок и выражающих явное неуважение к обществу.

Как правильно отмечалось в литературе, массовые беспорядки парализуют, хотя бы и на короткое время, деятельность местных органов власти, направленную на охрану общественного порядка и общественной безопасности. Групповые хулиганские действия также могут серьезно нарушить общественный порядок и нормальную деятельность органов власти, однако они не способны полностью исключить возможность для органов власти охранять общественный порядок и безопасность в населенном пункте.¹

Отграничивая хулиганство от некоторых преступлений против порядка управления, диссертант отмечает, что хулиганство иногда выражается в надругательстве над Государственным гербом или флагом СССР, Белорусской ССР или другой союзной республики. Различаются эти преступления как по объекту, так и по субъективной стороне.

Непосредственным объектом хулиганства является общественный порядок, а преступления, предусмотренного ст. 186² УК БССР - авторитет и достоинство Советского государства.

¹ См. Государственные преступления. Изд-во "Высшая школа". ., 1961, стр. 148.

Надругательство над Государственным гербом или флагом совершается с прямым умыслом, лишенным антисоветского характера. Если оно совершено из хулиганских побуждений, то действия виновного следует квалифицировать как хулиганство, соединенное с исключительным цинизмом. Также следует квалифицировать надругательство над флагом, который не является Государственным флагом (например, флаг спортивного общества).

По мнению автора, дополнительная квалификация надругательства над Государственным гербом или флагом из хулиганских побуждений по ст. 166² УК БССР, предлагаемая В.В. Сташисом,¹ не требуется, ибо в данном случае надругательство над гербом или флагом является способом совершения более тяжкого преступления - хулиганства, отличающегося по своему содержанию исключительным цинизмом.

Хулиганство часто сопровождается оказанием сопротивления работнику милиции или народному дружиннику либо иному представителю власти или представителю общественности. Разграничение этих преступлений представляет значительную сложность, так как при совершении обоих деяний нарушается общественный порядок. К тому же сопротивление работнику милиции или народному дружиннику либо иному представителю власти или представителю общественности, оказанное при совершении хулиганских действий, является одним из признаков злого хулиганства.

Автор считает, что разграничение рассматриваемых преступлений следует проводить по объекту и субъективной стороне преступления.

Непосредственным объектом хулиганства является общественный порядок, а непосредственным объектом сопротивления - нормальная деятельность органов власти или общественных организаций по ох-

¹ См. Уголовный кодекс УССР. Научно-практический комментарий. Киев, 1969, стр. 404.

ране общественного порядка.

Хулиганство совершается по мотивам явного неуважения к правилам социалистического общежития, к обществу. При сопротивлении же умысел виновного направлен на воспрепятствование выполнению указанных в статьях 187 и 187^I УК БССР лицами их обязанностей по охране общественного порядка либо на принуждение их к выполнению явно незаконных действий.

Часть 2 ст. 201 УК БССР в качестве признака злого хулиганства указывает на оказание сопротивления представителю власти или представителю общественности. Поэтому хулиганские действия, сопряженные с сопротивлением эти лицам (кроме случаев, указанных в ч. 2 ст. 187^I УК БССР), подлежат квалификации только по ч. 2 ст. 201 УК БССР как злое хулиганство. Эти действия полностью охватываются составом злого хулиганства, ибо они значительно менее опасны, чем злое хулиганство. Сопротивление же, соединенное с насилием над работником милиции или народным дружинником не может рассматриваться лишь как признак злого хулиганства. И поэтому действия хулигана, оказавшего такое сопротивление, следует квалифицировать по двум статьям, предусматривающим ответственность за злое хулиганство и сопротивление работнику милиции или народному дружиннику, соединенное с насилием над ними.

Хулиганские действия нередко сопровождаются оскорблениями работников милиции или народных дружинников либо иных представителей власти или представителей общественности. Оскорбление работника милиции или народного дружинника (ст. 188^I УК БССР) либо иного представителя власти или представителя общественности (ст. 188 УК БССР) следует отграничивать от хулиганства по содержанию субъективной стороны.

При оскорблении умысел виновного направлен не на грубое на-

рушение общественного порядка и явное неуважение к обществу, как это имеет место при хулиганстве, а на унижение чести и достоинства работника милиции или народного дружинника либо иного представителя власти или представителя общественности. Если виновный, оскорбляя работника милиции или народного дружинника либо иного представителя власти или представителя общественности, грубо нарушает общественный порядок и выражает явное неуважение к обществу, то в этом случае оскорбление перерастает в иное преступление — хулиганство и должно квалифицироваться только по ст. 201 УК БССР.

Если же оскорбление и хулиганство совершены не одновременно (т.е. первое не является формой второго), налицо реальная совокупность этих преступлений.

Хулиганские действия часто сопровождаются угрозой или насильем в отношении должностного лица, общественного работника или гражданина, выполняющего свой общественный долг. Чтобы разграничить эти преступления, необходимо иметь в виду, что угроза убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества путем поджога по отношению к должностному лицу, общественному работнику или гражданину, выполняющему общественный долг, предусмотренная ч. 1 ст. 189 УК БССР, с объективной стороны выражается в психическом насилии и может быть совершена лишь с прямым умыслом. При этом виновный желает, чтобы должностное лицо или общественный работник прекратили свою служебную или общественную деятельность или изменили ее характер в интересах угрожающего, а гражданин отказался от участия в предупреждении, пресечении преступления или антиобщественного поступка. Именно наличие этой специальной цели отличает состав данного преступления от хулиганства. Если же угроза является проявлением хулиганских действий, то она охватывается составом хулиганства и дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 189 УК БССР не требует.

Совершая действия, указанные в ч. 2 ст. 189 УК БССР, виновный сознает, что он применяет физическое насилие в отношении должностного лица или общественного работника в связи с их служебной или общественной деятельностью, или в отношении гражданина в связи с выполнением им своего общественного долга по предупреждению, пресечению преступления или антиобщественного поступка и желает таким образом оказать воздействие на этих лиц. Следовательно, умысел виновного направлен не на нарушение общественного порядка, а на оказание физического воздействия на должностное лицо, общественного работника или гражданина в связи с их служебной деятельностью или выполнением общественного долга.

Если же насилие в отношении кого-либо из названных лиц совершено не в связи с выполнением им служебного или общественного долга, а из хулиганских побуждений, то такие действия следует квалифицировать как хулиганство.

В этой же главе также рассматриваются вопросы отграничения хулиганства от иных преступлений против общественной безопасности и общественного порядка (ст. 202, 224, 225 УК БССР).

В третьей главе ("Процессуальные вопросы рассмотрения судом конкретных уголовных дел") рассматриваются процессуальные вопросы, возникающие в судебной практике. Эти вопросы неразрывно связаны с уголовноправовыми, неотделимы от них. Нормы советского уголовного права находят свое применение в каждом конкретном случае через уголовный процесс. Если уголовное право определяет основания уголовной ответственности, отдельные составы конкретных преступлений, понятие, цели и виды наказания, то уголовно-процессуальное право определяет порядок установления оснований уголовной ответственности по конкретному делу и порядок назначения наказания, а также освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Касаясь подробно вопросов, возникающих в стадии предания суду, автор уделяет особое внимание исследованию особенностей предания суду по делам о простом и повторно совершенном мелком хулиганстве, по которым не проводилось дознание или предварительное следствие. В диссертации отмечается, что материалы по этим делам не должны приниматься, если органами дознания: неполно установлены обстоятельства преступления, не опрошены его очевидцы; в случаях привлечения правонарушителя к ответственности за повторное мелкое хулиганство не приобщены материалы о совершении первого мелкого хулиганства; не истребована справка о наличии или отсутствии судимости; не собраны данные, характеризующие личность правонарушителя; не проверены обстоятельства, оправдывающие правонарушителя.

Рассматривая вопросы, связанные с подготовкой дела к судебному разбирательству, диссертант указывает, что по делам о преступлениях, предусмотренных ч. I ст. 201 УК БССР, большинство судов вручает правонарушителю не только судебную повестку, но и копию постановления судьи или определения распорядительного заседания. При этом одни суды соблюдают требования, указанные в ст. 239 УПК БССР, в части сроков вручения правонарушителю названных документов, а другие — нет. Многие суды рассматривают эти дела в день их возбуждения и предания правонарушителя суду. Такой разницей является следствием того, что некоторые нормы уголовно-процессуального права, регулирующие производство по делам о хулиганстве, не в полной мере согласованы с другими действующими уголовно-процессуальными нормами.

Как известно, ст. 239 УПК БССР не предусматривает никаких изъятий в отношении дел о простом и повторном мелком хулиганстве. Поэтому напрашивается вывод, что и по этим делам должен соблюдаться трехдневный срок для вручения правонарушителю судебной повестки.

Поскольку в этом случае протокол о совершенном правонарушении и личности правонарушителя заменяет обвинительное заключение, то, по смыслу требований ст. 239 УПК БССР, копия ^{его} также должна вручаться правонарушителю.

Однако требования ст. 239 УПК БССР о допустимости судебного рассмотрения через три дня с момента вручения правонарушителю указанных документов не согласуется с предписаниями ст. 406 УПК БССР о пятидневном сроке рассмотрения этих дел со дня поступления их в суд. Данная несогласованность должна быть устранима в законодательном порядке.

Чтобы не лишить правонарушителя возможности подготовиться к защите в судебном заседании и обеспечить рассмотрение этих дел в пятидневный срок следовало бы в ст. 405 УПК БССР указать, что после возбуждения дела и предания правонарушителя суду по ч. I ст. 201 Ук БССР ему вручаются копии протокола, определения распорядительного заседания или постановления судьи о возбуждении уголовного дела и предании его суду. Рассмотрение дела в судебном заседании не может быть начато ранее истечения одних суток с момента вручения правонарушителю этих документов. Поскольку дела этой категории просты, то такой срок вполне достаточен для подготовки правонарушителя к защите в суде. Другие участники процесса за этот период также могут ознакомиться с делом и подготовиться к участию в процессе.

В диссертации анализируются ошибки, допускаемые в стадии предания суду. Некоторые судьи не критически относятся к материалам дознания и предварительного следствия, не проверяют, достаточны ли собранные доказательства, обоснованно ли предъявлено обвинение, правильна ли квалификация и соблюдены ли нормы процесса. Вследствие этого нередко в судебном заседании вносятся дела без доста-

точных оснований. Из-за неполноты дознания или предварительного следствия, существенного нарушения нормы уголовно-процессуального закона было возвращено на доследование из судебных заседаний, кассационных и надзорных инстанций 2,61% дел о хулиганстве, изученных автором. Исследование причин возвращения дел на доследование показало, что по большому числу этих дел пробелы дознания и предварительного следствия, нарушения нормы процесса могли быть выяснены в стадии предания суду.

Рассматривая вопрос об организации и проведении судебного процесса, диссертант показывает роль выездных сессий, общественных обвинителей, общественных защитников и иных представителей общественности в повышении воспитательного воздействия судебного процесса и создании обстановки неотвратимости наказания за совершенное преступление.

В диссертации отмечается, что поскольку в УПК БССР не определены процессуальные права представителей учебно-воспитательных учреждений, общественных организаций и коллекций по делам несовершеннолетних, в ряде случаев в судебном процессе им отводится роль "наблюдателей".

В целях повышения роли представителей этих учреждений и организаций диссертант предлагает определить в законе их процессуальные права, указав, что они вправе знакомиться с материалами дела, предъявлять суду свои доказательства, участвовать в исследовании доказательств, излагать в конце судебного следствия мнение по делу уполномочивших их учреждений и организаций. Такое дополнение уголовно-процессуального закона способствовало бы повышению предупредительно-воспитательного значения судебного разбирательства. Правильное разрешение уголовного дела, внесение законного и обоснованного приговора находится в прямой зависимости от установ-

ления всех обстоятельств совершенного преступления и лиц, виновных в его совершении. Поэтому диссертант рассматривает и обстоятельства, подлежащие доказыванию в судебном заседании.

Поскольку предметом судебного разбирательства является конкретное преступление, установление и тщательное исследование его юридических признаков, в том числе тех, по которым его следует отграничивать от других преступных деяний, входит в круг обстоятельств, подлежащих выяснению судом.

Так, по делам о хулиганстве суд обязан выяснить: какое конкретно действие совершил подсудимый; какими мотивами он руководствовался, совершая общественно опасные действия; какие наступили последствия в результате этих действий; если подсудимый применил насилие к потерпевшему, то какова тяжесть телесных повреждений, причиненных последнему; если подсудимый во время совершения общественно опасного действия имел какой-либо предмет, то какой именно, где и когда он взял его (например, заранее подготовил или взял на месте происшествия во время совершения общественно опасного действия); как использован виновным взятый предмет (если он применен для уничтожения или повреждения имущества или уничтожения животных, то создана ли при этом реальная угроза жизни или здоровью граждан; если подсудимый пытался с помощью этого предмета причинить телесные повреждения потерпевшему, то по каким причинам он не смог осуществить свое намерение (потерпевший уклонился от удара и т.п.).

По делам о повторно совершенном мелком хулиганстве суд устанавливает: является ли мелким хулиганством первый проступок; если да, то какая мера воздействия (административного или общественного характера) была применена к нарушителю за первый проступок; правильно ли была применена мера административного воздействия;

не истек ли годичный срок со времени применения меры административного воздействия за первый проступок к моменту совершения второго проступка; образует ли мелкое хулиганство второй проступок, вмененный подсудимому.

В диссертации рассматриваются и процессуальные вопросы изменения обвинения в суде.

Значительное внимание в работе уделено исследованию вопросов назначения наказаний. Анализируя карательную практику по делам, связанным с нарушениями общественного порядка, автор указывает, что по изученным делам к лишению свободы приговорено: за повторное мелкое хулиганство 23,9%, за простое хулиганство 49,6%, за злостное хулиганство 78,2%, за особо злостное хулиганство 89,9%.

Если всех лиц, осужденных по этим делам к мерам наказаний, не связанным с изоляцией от общества, принять за 100%, то применение таких наказаний судами было обосновано следующими смягчающими обстоятельствами: отсутствие вредных последствий, второстепенное участие в совершении преступления - 40,2%, несовершеннолетие, инвалидность, слабое состояние здоровья виновного, нахождение на его иждивении несовершеннолетних детей, больных или престарелых родителей - 41,4%, просьба потерпевших, ходатайства общественных организаций о применении к виновному наказания, не связанного с лишением свободы, - 18,4%.

Автор считает, что практика судов, учитывающих при определении наказания мнение потерпевшего, не противоречит ст. 37 УК БССР, поскольку она содержит примерный, а не исчерпывающий перечень смягчающих обстоятельств. Суд вправе признать смягчающим и иное обстоятельство, выявленное при рассмотрении дела, которое не упомянуто в этой статье. Однако при этом он обязан правильно его оце-

нить. Учитывая, что потерпевший, являясь заинтересованным в исходе дела лицом, в процессе может преследовать какие-либо неблагоприятные цели, суд должен выяснить мотивы, которыми он руководствуется, высказывая свое мнение по делу, и критически оценить его.

Изучение показало, что суды в большинстве случаев как смягчающее обстоятельство учитывали просьбы жен и иных родственников подсудимых, являющихся потерпевшими.

Отдельные суды все еще недооценивают значения уголовных наказаний в борьбе со злостными нарушителями общественного порядка, вследствие чего иногда применяют необоснованно мягкое наказание по делам этой категории. Между тем, в Программе КПСС записано: "... Пока имеются проявления преступности необходимо применять строгие меры наказания к лицам, совершающим опасные для общества преступления, нарушающим правила социалистического общежития, не желающим приобщаться к честной трудовой жизни".¹

Однако чаще ошибки выражаются в назначении чрезмерно суровых наказаний за впервые совершенные менее опасные виды хулиганства. Если в 1967-1969 годах приговоры народных судов Белорусской ССР по делам о хулиганстве отменены в кассационном порядке по мягкости наказания в отношении 0,4% осужденных, то за этот же период изменены приговоры со снижением наказания в отношении 6,2% осужденных.

Криминологические исследования показывают, что необоснованное применение чрезвычайно суровых мер наказания, так же как и применение излишне мягких мер наказаний, приносит вред делу борьбы с преступностью.

На некоторых лиц, впервые отбывающих наказание, социальная

¹ Материалы XXII съезда КПСС. Госполитиздат, М., 1961, стр.400.

среда мест лишения свободы оказывает не положительное, а отрицательное влияние. В связи с этим в диссертации рассмотрен вопрос о том, целесообразно ли применение краткосрочного лишения свободы. По мнению диссертанта, оно мало эффективно.

В четвертой главе ("Деятельность суда по предотвращению отдельных преступлений") проанализированы вопросы, связанные с выявлением причин и условий, способствующих совершению преступлений, а также основные формы деятельности суда по предотвращению преступлений.

В связи с тем, что практика и социологические исследования показывают, что нарушения социалистического правопорядка совершаются, как правило, неустойчивыми людьми с аморальными принципами, в диссертации дается подробная характеристика обстоятельств, отрицательно влияющих на нравственное формирование таких лиц.

Большое внимание диссертант уделяет вопросу борьбы с пьянством, которое часто способствует совершению разных преступлений. Пьянство — это в значительной мере проявление распущенности, результат подражания заразительным примерам, обычаям и привычкам, унаследованным от прошлого. Оно может быть как причиной создания антисоциальной установки личности, так и являться следствием последней. В первом случае пьянство является исходным моментом, началом всех последующих пороков, совокупность которых образует антиобщественную сущность субъекта. Во втором случае, когда у субъекта уже сформировались антиобщественные взгляды, пьянство активно способствует умножению его пороков, усилению и укреплению антиобщественной установки.

Связь пьянства с совершением преступлений обуславливается тем, что алкоголизм оказывает вредное воздействие на высшую нервную деятельность человека. С ослаблением психических функций, про-

исходящих под воздействием алкоголя, ослабляется процесс торможения, снижается способность лица правильно воспринимать внешний мир и надлежащим образом реагировать на происходящие процессы. Под влиянием алкоголя у человека с антисоциальной установкой проявляются отрицательные моральные свойства, в большей или меньшей степени скрытые до этого.

Исследуя вопросы предупреждения преступлений, автор указывает, что эта деятельность суда является процессуальной. Причины и условия, способствующие совершению преступлений, в судебном заседании должны доказываться в соответствии с нормами уголовно-процессуального права. Утверждение же некоторых процессуалистов о необязательности доказывания этих обстоятельств не основано на законе.¹ Как известно, ст. 62 УПК БССР обязывает органы дознания, следствия, прокурора и суд "выявить причины и условия, способствовавшие совершению преступления, и принять меры к их устранению".

Вместе с тем следовало бы в перечень элементов предмета доказывания, предусмотренный ст. 61 УПК БССР, включить причины и условия, способствовавшие совершению преступления. Это содействовало бы единообразному толкованию обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Говоря о частных определениях, автор отмечает, что некоторые суды в них ставят вопрос о поощрении отдельных граждан, активно участвовавших в пресечении преступных проявлений. Хотя такого рода частные определения и не предусмотрены уголовно-процессуальным законом, однако они содействуют активизации трудящихся в борьбе с преступностью. Практика внесения таких частных определений находит

¹ См., например, В. Д. А р с е н ь е в. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. М., 1964, стр. 21-22.